

18+

Артем Пальчиков

СПИСОК ПОДЛЕЖАЩИХ

Арте́м Па́льчиков

Список подлежащих

«Издательские решения»

Пальчиков А. А.

Список подлежащих / А. А. Пальчиков — «Издательские решения»,

Ночь в Москве становится смертельно опасной. В городе орудует маньяк. На месте каждого преступления он оставляет карточку с набором чисел. За дело берутся следователи Игорь Мельников и Зайц Екатерина Николаевна. У них почти нет зацепок: лишь смутный силуэт чёрного джипа, мелькающего на записях камер, и леденящая кровь деталь — маньяк носит красную маску волка. С каждым новым телом напряжение растёт, а город замирает в страхе: кто станет следующей жертвой и что скрывают эти цифры?

Содержание

Глава 1. Холодные рельсы	7
Глава 2. Кабинет Романова	13
Глава 3. Трамвайный след	19
Глава 4. Следы в темноте	23
Глава 5. Две дороги	28
Глава 6. Давление сверху	32
Глава 7. Свидетели говорят	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Список подлежащих

Артем Александрович Пальчиков

© Артем Александрович Пальчиков, 2026

ISBN 978-5-0071-2829-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Артем Пальчиков

Список подлежащих

Аннотация:

Ночь в Москве становится смертельно опасной. В городе орудует маньяк, чьи преступления лишены логики, но объединены пугающей ритуальностью. Первый труп — обезглавленный мужчина — найден на трамвайных путях. При нём обнаружена чёрная карточка с белыми цифрами. Вскоре у старого обрыва за промзоной находят мёртвую девушку — и снова карточка, но с другим набором чисел. Цифры не складываются в понятный код, а время между убийствами сокращается.

За дело берутся следователи Игорь Мельников и Екатерина Николаевна Зайц. У них почти нет зацепок: лишь смутный силуэт чёрного джипа, мелькающего на записях камер, и леденящая кровь деталь — маньяк носит красную маску волка. С каждым новым телом напряжение растёт, а город замирает в страхе: кто станет следующей жертвой и что скрывают эти цифры?

Глава 1. Холодные рельсы

Ночь легла на город плотным, сырым покрывалом. Дождь закончился час назад, но асфальт всё ещё дышал влагой, отдавая в воздух тяжёлый, густой запах мокрого камня и железа. Над трамвайными путями висел туман — не тот лёгкий, романтический, что рисуют на открытках, а тяжёлый, маслянистый, будто сотканный из самой городской усталости. Он цеплялся за ржавые прутья забора, стелился вдоль рельсов, прятал стыки и шпалы, делал пространство зыбким, ненадёжным, словно земля под ногами вот-вот могла раствориться.

Трамвайные пути на окраине выглядели заброшенными, будто жизнь здесь ненадолго замерла, уступив место чему-то чужому и холодному. Вдоль путей тянулся низкий забор из ржавых прутьев, кое-где поваленный, будто кто-то нарочно пытался его повалить, а потом бросил на полпути. За забором темнели гаражи — ряды приземистых коробок с покосившимися воротами; некоторые были заколочены, другие зияли провалами, как пустые рты. Дальше, за пустырьём, высились панельные многоэтажки — окна в них светились редко, как одинокие маяки, и свет этот был тусклым, болезненным, будто электричество в этих домах тоже устало.

На этом застывшем фоне особенно жутко смотрелся силуэт на рельсах.

Игорь Мельников первым сошёл с машины, плотнее запахнул пальто и тут же пожалел, что не взял шарф. В тридцать пять лет он всё ещё зяб, как мальчишка, и это его раздражало. Он смотрел на рельсы и думал, что металл ночью будто становится живым: он дышит, остывает, шепчет. И этот шёпот ему совсем не нравился.

Рядом тяжело ступала Зайц Екатерина Николаевна. Её шаги были уверенными, неторопливыми — она не спешила впечатлять молодых оперативников скоростью. Под пятьдесят, полноватая, с лицом, будто высеченным из камня, и глазами, в которых вечно плясали искорки ехидства. Она шла так, будто сама ночь была ей знакома, будто она знала все её углы и тени.

— Ну что, Игорь, готов к сюрпризу? — голос Екатерины Николаевны звучал буднично, будто она предлагала ему чашку кофе, а не осмотр места преступления.

Мельников сглотнул, втянул носом холодный воздух и постарался унять неприятное чувство, которое всегда накатывало в первые минуты на месте происшествия. Ему хотелось, чтобы это оказался чей-то злой розыгрыш, манекен, ошибка. Но он знал, что это не так.

— Готов, — коротко ответил он, хотя сам себе не верил.

Труп лежал на путях, неестественно вытянутый, без головы. Свет фонарей выхватывал из темноты бледную кожу, тёмный костюм, складки ткани. Всё выглядело так, будто кто-то нарочно расставил декорации для дурного спектакля. Костюм был дорогой, но не кричащий: качественная шерсть, аккуратные швы, едва заметная складка на рукаве. На манжете — запонка с тусклым камнем, будто застывшая слеза. Рядом с телом виднелся лёгкий налёт пыли, который не смыл даже дождь, — словно тело принесли сюда уже после ливня.

Рядом с телом суетился эксперт — невысокий мужчина с усталыми глазами и вечно взъерошенными волосами, будто он только что выбрался из поезда, который трясло всю дорогу. Он что-то бормотал себе под нос, поправлял перчатки, наклонялся то к одному рельсу, то к другому, словно рельсы могли ему что-то рассказать. Его движения были точными, экономными, будто он боялся спугнуть улики одним лишним вздохом.

Когда следователи подошли, эксперт поднял взгляд.

— Не здесь его убили. — сразу сказал он, не дожидаясь вопросов. — Тело принесли. И голову отрезали в другом месте. Причем нет следов от машины, значит машину оставили где-то поблизости, а сюда перенесли.

Екатерина Николаевна хмыкнула, наклонилась, внимательно разглядывая положение тела.

Эксперт пожал плечами.

— Что бы голову отрезать нужны стальные нервы.

— Или очень злая тёща, — буркнула Екатерина Николаевна, и уголки её губ дрогнули в едва заметной усмешке.

Мельников переступил с ноги на ногу, чувствуя, как холод пробирается под пальто. Он посмотрел на рельсы, на тёмные пятна вокруг, на то, как странно лежит тело, будто его специально выставили напоказ.

— Почему именно здесь? — пробормотал он скорее себе, чем остальным.

Екатерина Николаевна выпрямилась и посмотрела на него с лёгкой иронией.

— Чтобы заметили, Игорь. Чтобы не прошли мимо. Это не просто убийство. Это заявление.

Тем временем к оцеплению подошёл патрульный и махнул рукой, подзывая следователей. Рядом с ним стоял невысокий мужчина в потрёпанной куртке, дрожащий то ли от холода, то ли от страха. Его волосы были мокрыми, будто он долго шёл под дождём, а глаза бегали по сторонам, избегая смотреть на рельсы. Куртка была поношенной, но аккуратной: на плече виднелась заштопанная прореха, на рукаве — тёмное пятно, похожее на засохшую пену.

— Это тот, кто тело нашёл, — доложил патрульный.

Екатерина Николаевна кивнула и подошла к мужчине. Мельников последовал за ней, стараясь держаться спокойно, хотя внутри всё сжималось от напряжения.

— Как вас зовут? — спросила Екатерина Николаевна уже без всякой насмешки — теперь в её голосе звучала та самая твёрдость, которая заставляла людей говорить правду.

Мужчина сглотнул.

— Андрей... Андрей Семёнов. Я... я тут живу неподалёку. В том доме, за гаражами.

Мельников чуть наклонил голову, стараясь поймать взгляд мужчины, чтобы понять, насколько тот напуган, насколько искренен.

— И что вы делали здесь ночью? — спросил он мягко, но настойчиво.

Андрей поднял на него глаза, в них плескался страх пополам с растерянностью.

— Я... я работаю на автомойке. У нас смены бывают и по ночам. Сегодня как раз такая выпала. Закончил в половине двенадцатого. Думал, пройду, проветрюсь - после бокса с паром и водой голова тяжёлая, а тут хоть воздух свежий. Ну, и пошёл этой дорогой: тут фонарей мало, зато людей вообще нет. Люблю, когда тихо.

Он нервно сжал и разжал кулаки, будто пытался стряхнуть с себя этот вечер.

— Сначала ничего не заметил. Туман стелется, фонарь мигает, как больной. А потом... споткнулся чуть — нога в рельс попала. Наклонился, чтобы равновесие удержать, и... и увидел.

Его голос дрогнул, он снова посмотрел в сторону путей, но тут же отвёл взгляд, будто боялся снова увидеть эту картину.

— Сразу позвонил в полицию. Не знал, что делать. Просто... просто не мог стоять и смотреть.

Екатерина Николаевна чуть смягчила тон.

— Вы всё правильно сделали. Расскажите ещё раз: когда подошли, заметили ли кого-нибудь рядом? Машину, человека, хоть что-то?

Андрей помотал головой.

— Никого. Тут было тихо. Только ветер. И рельсы... они как будто звенели.

Мельников нахмурился.

— Звенели?

— Да... ну, знаете, бывает, когда металл остывает. Или от ветра. Но в тот момент мне показалось, что это... будто предупреждение.

Эксперт, который незаметно подошёл ближе, хмыкнул.

— Металл и правда может издавать звуки. Особенно ночью. Температурные перепады.

Екатерина Николаевна бросила на него короткий взгляд, в котором читалось: «Спасибо, капитан Очевидность», но вслух ничего не сказала.

— Хорошо, Андрей, — произнесла она, снова обращаясь к свидетелю. — Мы вас ещё вызовем, если понадобится. Сейчас вас отвезут, возьмут показания. Постарайтесь вспомнить всё, даже мелочи. Любая деталь может быть важна.

Андрей кивнул, всё ещё дрожа, и позволил патрульному увести себя к машине.

Мельников проводил его взглядом, потом снова посмотрел на рельсы, на тело.

— Что думаете, Игорь? — тихо спросила Екатерина Николаевна, будто давая ему шанс проявить себя.

Мельников медленно выдохнул, собираясь с мыслями.

— Думаю, это не случайность. Тело подбросили сюда специально.

Екатерина Николаевна прищурилась.

— Именно. Кто-то хотел, чтобы его нашли. И хотел, чтобы нашли именно здесь.

Она обвела взглядом пустырь, гаражи, тёмные углы, где прятались тени, и остановилась на рельсах — на их холодной, безжалостной прямой, уходящей в темноту.

— Тут почти никогда никого нет. Но если уж кто идёт — обязательно заметит. Это как поставить фонарь в самой глухой комнате.

Мельников кивнул.

— Значит, убийца знал эти места. Или специально их выбрал.

— Либо знал, либо изучал, — поправила Екатерина Николаевна. — И в том, и в другом случае он неглуп. А неглупые убийцы опасны тем, что думают, будто их не поймают.

Тем временем эксперт продолжал осматривать место. Он опустил на корточки, провёл пальцем по стыку рельсов, будто искал там невидимую пыль.

— Знаете, что самое интересное? — пробормотал он, не глядя на следователей. — Тут почти нет следов волочения. То есть тело не тащили по земле. Его несли. И, скорее всего, на чём-то. На носилках, на тележке... или на чём-то ещё.

Екатерина Николаевна прищурилась.

— На чём-то ещё? Это ты сейчас интригу нагоняешь, чтобы мы тебя дольше слушали?

Эксперт наконец поднял глаза и слабо улыбнулся.

— Нет, просто пытаюсь быть точным. Точность — моя религия.

— Тогда молись усерднее, — хмыкнула Екатерина Николаевна. — Нам тут без чудес не обойтись.

Вокруг по-прежнему было тихо, но не мёртво. Где-то вдали завывала сирена, потом затихла. Из-за угла панельного дома показалась фигура случайного прохожего- мужчины в тёмной куртке, с поднятым воротником. Он замедлил шаг, уставился на оцепление, потом на следователей, будто пытался понять, не сон ли это. На плече у него висела сумка, из которой выглядывал край свёртка, а в руке он сжимал телефон, будто собирался звонить или только что закончил разговор.

Один из патрульных шагнул к нему, преграждая путь.

— Дальше нельзя. Место преступления.

Прохожий помотал головой, будто стряхивая наваждение.

— Да я просто... домой шёл. Тут всегда тихо. А тут... такое.

Он махнул рукой в сторону путей, и в этом жесте было столько растерянности, что даже Екатерина Николаевна на секунду смягчилась.

— Иди домой, — сказала она не грубо, а почти по-матерински. — И лучше другой дорогой. Сегодня тут не место для прогулок.

Прохожий кивнул и поспешил прочь, растворяясь в темноте между домами.

Не успел патруль вернуться на место, как из-за гаражей показалась ещё одна фигура — на этот раз женщина в длинном плаще, с капюшоном, надвинутым на лоб. Она шла быстро,

почти бежала, но, увидев оцепление и людей в форме, резко остановилась, будто налетела на невидимую стену.

Патрульный снова шагнул вперёд.

— Стойте! Дальше нельзя!

Женщина замерла, подняла лицо. В её глазах мелькнул испуг, а потом — узнавание.

— Ой... я... я не знала. Я думала, тут просто... ну, никого нет. Я обычно тут хожу, тут короче.

Мельников подошёл ближе.

— Вы часто тут ходите?

Женщина нервно поправила капюшон, будто хотела спрятаться.

— Каждый день. Я в ночную смену в пекарне работаю. Возвращаюсь в полвторого. Тут тихо, никто не пристаёт. А сегодня... тут столько людей. И фонари... такие яркие.

Екатерина Николаевна подошла, чуть наклонив голову.

— А сегодня вы никого не заметили? Ни машины, ни людей каких-то... подозрительных?

Женщина задумалась, прикусила губу.

— Минут за двадцать до того, как я сюда вышла, вроде слышала, как где-то рядом мотор работал. Не громко, но... настойчиво, что ли. Как будто кто-то ждал. А потом затих.

Мельников быстро записал.

— Вы уверены?

— Ну... не на сто процентов. Тут ветер шумит, рельсы звенят, да и я в своих мыслях была. Но звук запомнился. Такой... ровный. Не как у легковушки.

— А ещё что-нибудь? — уточнила Екатерина Николаевна, чуть подавшись вперёд.

Женщина на секунду прикрыла глаза, будто прокручивала в голове ту самую минуту.

— Ещё... трамвай проехал. Буквально за пару минут до того, как мотор затих. Я как раз из-за угла выходила. Он грохотал, колёса по стыкам стучали, токоприёмник искрил... и этот звук такой резкий, будто разрезал тишину. А когда он проехал и скрылся, стало вдруг совсем тихо. И вот тогда я этот мотор и услышала — ровный, тяжёлый. Как будто ждал, пока трамвай уйдёт, чтобы себя показать.

Мельников поднял взгляд от блокнота.

— То есть сначала трамвай, потом этот мотор?

— Да. Точно. Трамвай проехал, и рельсы ещё долго гудели после него. А потом — этот мотор. И потом всё стихло.

Екатерина Николаевна переглянулась с Мельниковым.

— Фургон? Грузовик? Что-то крупное, что не хочет лишний шум поднимать.

Женщина пожала плечами.

— Не знаю. Я в машинах не разбираюсь. Просто... звук был тяжёлый.

— Спасибо, — сказала Екатерина Николаевна уже мягче. — Вы нам очень помогли. Если вспомните ещё что-нибудь, вот моя карточка.

Женщина взяла карточку дрожащими пальцами и поспешила прочь, будто боялась, что её сейчас задержат.

Чуть позже, когда патрульные уже почти привыкли к потоку случайных прохожих, из темноты вынырнула ещё одна пара: парень и девушка, оба в спортивных костюмах, с наушниками на шее. Они шли, смеясь, пока не увидели оцепление. Смех оборвался мгновенно.

Парень первым всё понял.

— Ого... тут что, реально труп?

Патрульный строго посмотрел на него.

— Место преступления. Дальше нельзя.

Девушка прижалась к парню, будто ища защиты.

— Мы просто... мы бегали. Тут маршрут удобный, по пустырю. Никто не мешает.

Мельников вышел вперёд.

— Когда вы начали бег?

Парень почесал затылок.

— Часов в двенадцать. Сначала по проспекту, потом сюда свернули. Тут фонари плохие, но мы с фонариками.

— Заметили что-нибудь странное? Машину какую-нибудь? Людей?

Парень задумался, потом вдруг встрепенулся, будто что-то вспомнил.

— Вообще... да. Ещё до того, как сюда пришли, я видел силуэт. Там, у дальнего гаража, возле джипа. Высокий такой, в тёмном. Он торопился, будто боялся, что его заметят. И... коробку какую-то положил в багажник. Прямо резко так — хлоп, и захлопнул крышку.

Мельников резко выпрямился.

— Коробку? Вы уверены?

— Ну, да. Я ещё подумал, странно: ночь, пустырь, а он с коробкой носится. Но потом мы дальше побежали, я и забыл. А сейчас вот вспомнилось.

Девушка кивнула, прижимаясь к парню.

— Он правда видел. Я тогда ещё сказала: «Давай быстрее, тут жутковато».

— А джип какой? Цвет, марка? — быстро спросил Мельников, уже строча в блокноте.

Парень помотал головой.

— Цвет... тёмный. Чёрный или тёмно-синий. А марку не разглядел. Тут темно, да и он стоял боком. Но высокий такой, внедорожник.

Екатерина Николаевна подалась вперёд, голос её стал жёстким, собранным.

— Джип, коробка, силуэт у гаража. Это уже не просто «жутковато». Это улика.

Мельников посмотрел на неё.

— Надо проверить камеры на соседних домах. И прочесать дворы. Если джип тут стоял, кто-то мог его заметить.

Екатерина Николаевна коротко кивнула.

— Действуй. Пусть патруль собирает данные с ближайших подъездов. А мы пока ещё раз пройдем по периметру. Вдруг эта коробка где-то здесь.

Пара переглянулась, в их глазах читался уже не просто испуг — теперь они понимали, что стали свидетелями чего-то по-настоящему страшного.

— Мы можем идти? — тихо спросила девушка.

Екатерина Николаевна чуть смягчилась.

— Можете. И спасибо, что рассказали. Иногда самое странное и кажется ерундой, а потом оказывается самым важным.

Пара поспешно ушла, теперь уже не перешёптываясь, а молча, будто любые слова могли спугнуть хрупкое чувство безопасности.

Мельников смотрел им вслед, потом снова повернулся к рельсам, к тёмным углам, к гаражам, где кто-то в спешке швырял коробку в джип.

— Получается, тут всё было продумано до мелочей, — пробормотал он.

Екатерина Николаевна стояла рядом, не отрывая взгляда от темноты.

— До последней детали, Игорь. И пока мы видим только край узора. Но мы его разберём. Обязательно разберём.

Мельников слотнул. Он не любил такие дела. В них всегда было слишком много загадок и слишком мало очевидного.

— Что-нибудь нашли при нём? — спросил он, стараясь говорить спокойно.

Эксперт кивнул и протянул прозрачный пакет.

— Паспорт, ключи, бумажник. И вот это.

В пакете лежала чёрная карточка. На ней белыми цифрами было выведено: 18911940.

Екатерина Николаевна взяла пакет, поднесла ближе к свету. Её брови чуть приподнялись.

— Любопытно. Не похоже на визитку. Не похоже ни на что обычное.

Мельников заглянул в паспорт. Лицо мужчины было ему незнакомо, но имя и должность прозвучали как гром среди ясного неба.

— Главный редактор крупного издательства, — пробормотал он.

Екатерина Николаевна выпрямилась, посмотрела на Мельникова с лёгкой усмешкой.

— Вот и начинается веселье. Главный редактор. Значит, врагов у него было больше, чем страниц в книгах его издательства.

Она помолчала, оглядывая пустынную улицу, рельсы, тёмные силуэты домов.

— И эту карточку нам явно оставили не просто так. Как подсказку... или как вызов.

Мельников почувствовал, как по спине пробежал холодок — и на этот раз не от ночного ветра.

— Думаете, это игра? — спросил он.

Екатерина Николаевна пожала плечами, но в её глазах мелькнуло что-то серьёзное, без тени привычной иронии.

— А ты как думаешь, Игорь? Когда голову отрезают, а тело подбрасывают на трамвайные пути, чтобы его точно нашли... это редко бывает случайностью.

Она снова взглянула на карточку, будто пытаясь разгадать её тайну одним взглядом.

— Начинаем с издательства. И с этих цифр. Кто-то хочет, чтобы мы их заметили.

Мельников кивнул, уже доставая блокнот. Он знал: с Екатериной Николаевной не стоит спорить. Её ехидные шутки часто скрывали острый ум, а умение не бояться начальства делало её тем самым следователем, который доводит дела до конца — даже самые мрачные.

Город вокруг продолжал спать, не подозревая, что на его улицах только что началась новая, опасная игра. И ставки в ней были слишком высоки, чтобы ошибаться.

Глава 2. Кабинет Романова

В кабинете Романова даже воздух будто был подшитым по линейке — никакой лишней суеты, только дело. На стене висела карта города, исчерченная тонкими линиями маршрутов и усеянная редкими красными метками, похожими на капли, которые ещё не успели высохнуть. Каждая из них означала чью-то сломанную судьбу, и Романов знал это лучше, чем кто-либо. На столе — папка с делом, раскрытая ровно настолько, чтобы не терять суть, но и не вываливать всё сразу. Сам Романов сидел неподвижно, прямой, будто внутри у него стальной стержень, и смотрел так, что хотелось сразу говорить по делу, без воды.

Зайц вошла первой, с ходу скривилась на стул, будто тот лично ей когда-то наступил на ногу:

— Если эта штука сейчас скрипнет, я её лично демонтирую. После ночи на ветру любая мебель — враг номер один. Особенно такая, которая делает вид, что она эргономичная. Как будто кому-то тут удобно сидеть, когда город сходит с ума.

Мельников зашёл следом, чуть медленнее, будто боялся, что любое резкое движение отдастся в спине. Он чувствовал, как по лопаткам стекает липкий след усталости, а в голове крутится одна и та же мысль: «Ещё один труп, ещё один узел, который надо распутать, пока он не затянулся окончательно». Сел, привычно положил на колени блокнот, сжал пальцами ручку — так, чтобы пальцы не дрожали.

Романов не поднимал глаз от бумаг, но голос прозвучал ровно и жёстко:

— Труп на путях. Без головы. Что у вас?

Екатерина чуть наклонила голову, будто прикидывала, с какой стороны зайти, чтобы не потерять темп:

— Его не убивали на месте. Привезли уже мёртвое тело. Эксперт подтвердил: смерть наступила раньше, чем тело оказалось на путях. Характер повреждений и состояние тканей не оставляют сомнений. Это не спонтанное убийство. Это постановка.

Романов медленно кивнул, будто каждое слово он складывал в отдельную ячейку памяти:

— Значит, не место убийства, а сцена показа. Демонстрация. Дальше.

Мельников сглотнул и вклинился, стараясь, чтобы голос не звучал как оправдание:

— Свидетель — Андрей Семёнов, он на автомойке работает. Сегодня как раз такая смена выпала. Закончил в половине двенадцатого. Говорит, голова после бокса с паром и водой тяжёлая, вот и решил пройтись, проветриться. И по дороге нашёл труп.

— Проветриться, — повторил Романов, будто примеряя это слово к картине преступления. — И что он видел?

— Почти ничего, — сказал Мельников, заглядывая в свой блокнот. — Сам труп его так потряс, что он толком не соображал. Но вспомнил звук: ровный, тяжёлый мотор. Будто кто-то стоял и ждал, пока станет тихо.

— Подстраивались под график, — сухо подытожил Романов. — Расчёт. Не случайность.

Зайц хмыкнула, и в этом звуке было столько колючей иронии, что даже воздух в кабинете будто стал острее:

— Наш убийца не просто злой, он ещё и пунктуальный. Мечта кадровика, если бы не одно «но».

Романов едва заметно дёрнул уголком губ, будто пытался не улыбнуться, и наконец поднял глаза. Взгляд у него был серый, холодный, как утренний туман над рельсами:

— Убитый — Грачёв Константин Львович. Главный редактор «Аргус-пресс».

Мельников почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. Имя было на слуху: Грачёв славился тем, что не боялся лезть в острые темы и не умел вовремя замолкать.

— То есть дело не просто «шумное», а грозящее стать городским скандалом, — тихо проговорил он.

— Именно, — кивнул Романов, и в голосе его не осталось ни намёка на мягкость. — Журналисты уже кружат. Если мы не дадим им хоть какую-то удобоваримую версию в ближайшие сутки, они сами её придумают. И их версия нам не понравится.

Екатерина прищурилась, будто уже видела эти заголовки и мысленно рвала их на клочки:

— Значит, работаем быстрее, чем они печатают черновики.

Романов постучал пальцами по столу — коротко, ритмично, будто отбивал такт, который слышал только он:

— При осмотре вещей у Грачёва нашли странную карточку. Чёрная, матовая, без надписей, только белые цифры: 18911940. Ни логотипа, ни имени. Материал — какой-то композит. Эксперт пока не разобрался.

Мельников нахмурился:

— Ключ? Пропуск?

— Пока не знаем, — отрезал Романов.

Екатерина наклонила голову:

— Не люблю такие штуки. Слишком загадочно для обычной вещицы. Значит, важная. Или опасная. Или и то, и другое. В моём опыте загадочные штучки обычно оказываются чем-то, что потом стреляет тебе в ногу.

Романов кивнул:

— Думайте над этим, но не теряйте фокус. У нас есть реальные зацепки. Продолжайте.

Зайц щёлкнула пальцами, будто собирала детали в единую картину, и тут же добавила с фирменной язвительностью:

— Ещё есть пара, которая ночью бегала по пустырю. У них такой «спортивный» ритуал: в полночь круги нарезать. Видимо, решили, что город ночью красивее. Романтика, блин. Как будто пустырь с фонарём — это свидание мечты.

Она хмыкнула, будто сама не верила в эту романтику:

— Парень заметил силуэт у дальнего гаража — высокий, в тёмном. Тот торопился. И самое главное — он видел, как этот человек положил в багажник джипа коробку. Прямо как курьер, только без накладной и чека.

Романов чуть приподнял бровь:

— Джип какой?

— Тёмный. Внедорожник. Цвет — чёрный или тёмно-синий. Марку парень не разглядел. Но запомнил, что коробка была прямоугольная, плотная, будто из твёрдого картона, и перетянута чёрной лентой. Как будто кто-то очень старался, чтобы выглядело «стильно и минималистично». Ну, знаете, такой эстетичный криминал.

— Коробку положили в багажник, — повторил Романов, словно фиксируя в памяти каждую деталь. — Значит, тело могли везти в этой же машине. Или коробка — отдельная история.

— Или и то, и другое, — добавила Зайц с лёгкой усмешкой. — В нашем деле чем мрачнее совпадение, тем оно правдивее. Жизнь вообще не любит простых объяснений.

Романов снова постучал по столу, уже твёрже:

— Хорошо. Это конкретика. Зайц, вы берёте джип. Камеры с ближайших домов, дворы, подъезды. Если он там стоял, кто-то должен был его видеть. Может, дворник, может, кто-то из жильцов, кто ночью не спит. Ищите всё, что связано с машиной и с коробкой.

Екатерина кивнула, и в её глазах мелькнул азарт:

— О, это я люблю. Особенно когда надо кого-нибудь потрясти ради записи. У меня там один знакомый в службе видеонаблюдения... он меня, кажется, боится больше, чем начальства. Я ему скажу: «Или даёшь запись, или я завтра лично прихожу с Романовским распоряжением». И он сразу всё найдёт. Даже то, чего не снимал.

Романов перевёл взгляд на Мельникова:

— А вы, Мельников, берёте трамвай. Найдите водителя, который был на маршруте в то время. Узнайте, видел ли он что-то странное у путей, слышал ли подозрительные звуки, замечал ли людей. Если убийца подстраивался под трамвай, значит, он знал расписание. А тот, кто знает расписание, — либо местный, либо специально изучал маршрут.

— Я найду водителя, — твёрдо сказал Мельников.

— Хорошо, — коротко бросил Романов. — Держите меня в курсе. Каждый час — коротко: что есть, чего нет. Никаких «вроде» и «может быть». Только факты.

Екатерина поднялась первой, чуть расправила плечи, будто сбрасывая с них тяжесть ночи:

— Ну что, Игорь, не стой столбом. Ты по рельсам, я по камерам. И не вздумай звонить с фразой «мне кажется». Мне нужно, чтобы ты точно знал.

Мельников чуть улыбнулся:

— Постараюсь не разочаровать.

Она фыркнула, уже доставая телефон:

— Лучше постарайся просто не терять время. А разочаровывать меня будешь в отпуске. Если доживём.

Они уже почти разошлись, но в этот момент дверь резко распахнулась, и в кабинет ворвался лейтенант Костин — молодой, румяный, будто только что с мороза, и оттого ещё более взволнованный.

— Товарищ подполковник, внизу, у старого обрыва за промзоной... там девушку нашли.

Романов даже не поморщился — только чуть опустил веки, будто на секунду пересчитывал в уме все текущие беды.

— Подробности?

— Пока минимум. Спуск крутой, внизу кустарник. Похоже либо на суицид, либо на несчастный случай. Но... там всё равно надо кого-то отправить.

Романов помолчал, потом спокойно произнёс:

— Пошлите туда лейтенанта Соколова. Он молодой, шустрый, пусть разбирается. Там либо суицид, либо несчастный случай — а это не наш уровень приоритета сейчас. У нас тут убийство Грачёва, и оно пахнет не просто скандалом, а настоящей бурей.

Костин кивнул, будто даже с облегчением:

— Есть, товарищ подполковник!

— И пусть там всё зафиксирует как положено, — добавил Романов уже тише, но так, что Костин сразу подобрался. — Даже если это случайность, случайности тоже надо уметь описывать.

— Будет сделано, — бросил Костин и исчез за дверью так же стремительно, как появился.

В кабинете снова стало тихо, только слышно было, как где-то в коридоре щёлкает старый радиатор. Этот звук был каким-то до боли обыденным — и от этого ещё более жутким.

Романов посмотрел на Зайц и Мельникова:

— Вы заняты. И не отвлекайтесь. У нас нет права на ошибку.

Зайц чуть наклонила голову, будто проверяла, всё ли у неё на месте: блокнот, ручка, злость, терпение.

— Мы не отвлечёмся, — сказала она спокойно. — А если кто-то попытается нас отвлечь, я сама его отправлю к Соколову. Пусть вместе с девушкой разбираются.

Мельников едва сдержал улыбку, но тут же сделал серьёзное лицо:

— Я пойду к депо. Водитель трамвая должен быть где-то там.

— Иди, — кивнул Романов. — И помни: нам нужны факты. Не версии. Не догадки. Факты.

Екатерина уже стояла у двери, постукивая пальцами по косяку:

— Ну, Игорь, шевелись. Сначала камеры, потом трамвай, потом издательство. И постарайся не отставать. Я не люблю ездить одна.

Они вышли в коридор, где пахло пылью, старой краской и чем-то ещё — тем особенным запахом, который бывает только в полицейских участках ранним утром, когда город ещё не проснулся, а работа уже идёт полным ходом.

— Знаешь, что хуже всего в таких делах? — тихо сказала Зайц, пока они шли к выходу. — То, что люди думают, будто преступление — это вспышка. Гром, молния, крик. А на самом деле оно прячется в мелочах. В звуке мотора, в коробке, в карточке с цифрами. В том, что кто-то слишком хорошо знает расписание трамвая.

Мельников кивнул:

— Поэтому мы и ищем мелочи.

— Вот именно, — сказала она, открывая дверь на улицу.

Воздух снаружи был сырой и тяжёлый, будто небо собиралось пролиться дождём, но никак не решалось.

— Сначала камеры, — повторила Зайц, щёлкая брелком сигнализации. — Потом трамвай. Потом издательство. И ни одной лишней секунды.

Мельников вдохнул этот сырой воздух, пытаясь прогнать из головы остатки усталости:

— Я готов.

— Отлично, — бросила Зайц, садясь за руль. — Тогда поехали. И помни: если увидишь что-то странное, не пытайся это красиво объяснить. Просто скажи: «Я видел вот это». Остальное я сама размотаю.

Машина тронулась, оставляя позади здание управления, кабинет Романова и ту тишину, в которой сейчас рождался план расследования.

А Романов остался сидеть за столом, снова уткнулся в папку, но на секунду задержал взгляд на карте города, на одной из красных меток. Будто мысленно проводил линию: от пустыря — к гаражу — к джипу — к путям.

— Найдите то, что он не учёл, — тихо пробормотал он.

Глава 3. Трамвайный след

Мельников вышел из управления с ощущением, будто город нарочно подкидывает ему препятствия. Небо нависло низко, серое, тяжёлое, готовое в любой момент пролиться дождём, а воздух был такой плотный, что каждый вдох давался с усилием. Он шёл к машине, перебирая в голове варианты: если водителя нет в депо, значит, надо ехать к нему домой. И чем быстрее, тем лучше — Зайц не простит промедления.

В депо пахло железом, пылью и старым маслом. Диспетчер, седой мужчина с усталыми глазами, едва взглянул на удостоверение:

— Сегодня у него выходной. А что?

— Нужно срочно поговорить. Дело важное.

Диспетчер хмыкнул, будто давно привык к таким «срочно» и знал им настоящую цену:

— Ну, тогда по адресу езжайте. Только не удивляйтесь, если он не откроет. Выходной — это святое. Тем более Борис Игоревич теперь не тот, что в раньше. Раньше у него и огород был пока товарищество не закрыли. И в школе работал... Там он, говорят, по две смены подряд работал: уроки русского, занятия по литературе, кружки театральные, проверки тетрадей до ночи. Всё хотел, чтобы дети не просто правила зубрили, а чтобы чувствовали слово. А тут трамвай — дело другое: тут не слова надо держать, а вагон на рельсах. Тяжело ему привыкать.

Мельников на секунду задержался:

— В школе? Учителем?

— Ага. Борис Игоревич Соколов. К нам два года как пришёл. Говорит, устал от вечных родительских чатов и от того, что все вокруг уверены, будто запятую можно «по ощущениям» ставить. Сказал, что в трамвае всё честнее: рельсы не спорят, расписание не переписывает, а если вагон сломался — так это понятно почему. Никаких тебе «а у нас творческая индивидуальность, мы так видим».

Мельников слабо улыбнулся, хотя улыбаться сейчас не хотелось:

— Понятно. Спасибо ещё раз.

— Да не за что. Только с ним помягче, ладно? Он хоть и ворчит, но человек хороший. Просто сейчас между двумя жизнями застрял: и не учитель уже, и до настоящего трамвайщика ещё не дошёл.

Мельников кивнул и вышел на улицу. Сел в машину, завёл двигатель и только тогда заметил, как дрожат пальцы на руле. Усталость накатывала волнами, и он уже хотел было включить радио, чтобы хоть чем-то заглушить эту тяжесть, как вдруг увидел её — свою дочь, Аню, которая бежала к нему через парковку, размахивая рюкзаком.

— Пап, подожди! Можно с тобой? Мне надо в ту сторону, а автобус опять опаздывает!

Мельников на секунду замер. Хотел сказать «нет», объяснить, что сейчас не время, что у него срочное дело, что он не может отвлекаться. Но в её глазах было столько обычного, простого ожидания, что отказать не получилось.

— Ладно, садись. Только тихо. Мне надо кое-кого найти, и это не прогулка.

Аня запрыгнула на пассажирское сиденье, щёлкнула ремнём и тут же заулыбалась:

— Ура! А то стоять на остановке — это как наказание. Особенно когда небо вот-вот рухнет.

Мельников только хмыкнул и тронулся с места. По дороге он пытался сосредоточиться на деле, прокручивал в голове вопросы, которые надо задать водителю, но Аня болтала о своём — о школе, о контрольной, о том, что учительница по русскому опять всех ругала за почерк. И от этой болтовни, от этого привычного, почти детского потока слов усталость будто немного отступала.

Когда они подъехали к старому пятиэтажному дому на окраине, Аня вдруг замолчала и наклонилась вперёд, вглядываясь в подъезд:

— Пап, а это случайно не дом, где живёт Борис Игоревич?

Мельников нахмурился:

— Кто?

— Мой бывший учитель русского языка и литературы. Он ушёл из школы года три назад. Он хорошим был учителем. Я тогда так расстроилась...

Мельников почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло.

— А фамилия у него какая?

— Соколов. Соколов Борис Игоревич.

Мельников резко выдохнул. Это был он. Тот самый водитель трамвая.

— Знаешь что, Ань... ты, наверное, лучше посиди в машине. Мне надо с ним поговорить по работе.

Но Аня уже выскочила наружу, не слушая:

— Да ладно, пап! Он классный! Он нам не просто правила объяснял, а так, что даже двоечники слушали. Он цитировал Достоевского, Гоголя, Булгакова — и не для того, чтобы мы заучивали, а чтобы мы слышали, как слово бьёт прямо в сердце. Говорил, что если ты понимаешь, как у них фраза построена, то и в жизни лучше видишь, где правда, а где просто слова. Прямо как детектив, только без трупов. Ну, почти.

Мельников хотел возразить, но понял, что спорить бесполезно. Да и, возможно, она права: если водитель узнает в ней бывшую ученицу, он будет спокойнее.

Они поднялись на третий этаж, и Мельников постучал. За дверью послышались тяжёлые, неторопливые шаги — такие, будто человек шёл, преодолевая не только расстояние, но и собственную усталость. Потом тишина, будто кто-то прислушивался, и наконец щёлкнул замок.

На пороге стоял старик. Именно старик: не просто пожилой, а будто весь сотканный из усталости и прожитых лет. Плечи опустились, спина чуть согнулась, будто годами он носил на ней не пальто, а рельсы. Седые волосы были аккуратно зачёсаны назад, но одна непослушная прядь всё равно падала на лоб. Лицо было изборождено морщинами, а в глазах читалась та усталая мудрость, которая появляется у людей, видевших слишком много одинаковых рассветов.

Но когда он увидел Аню, его лицо на секунду изменилось — в нём промелькнуло что-то тёплое, почти отцовское, и даже морщины будто разгладились.

— Аня? Ты что тут делаешь?

Аня тут же расплылась в улыбке:

— Борис Игоревич! А я папу сопровождаю. Он к вам по делу.

Водитель перевёл взгляд на Мельникова, и в этом взгляде уже не было прежней теплоты — только настороженность, привычная, въевшаяся в него, как запах депо въедается в одежду:

— По какому делу?

Мельников достал удостоверение:

— Я следователь Игорь Мельников. Мне нужно поговорить с вами о вчерашнем рейсе. О том, что вы могли видеть у путей.

Борис Игоревич помолчал, потом тяжело вздохнул, опираясь на косяк, будто даже это простое движение требовало усилий. Он был не просто старым — он был измотанным, и эта усталость читалась в каждом жесте.

— Заходите. Раз уж Аня пришла, выгонять не буду. Да и... если это важно, лучше поговорить.

Квартира была маленькой, но удивительно аккуратной, будто хозяин привык к порядку не из любви к эстетике, а из необходимости: когда сил мало, хаос становится непозволительной

роскошью. На полке стояли старые книги в потёртых переплётах, на стене висела фотография трамвая, снятого на рассвете, когда рельсы блестели, как мокрые лезвия.

— Садитесь, — сказал Борис Игоревич, махнув рукой на стулья, и тут же добавил, будто оправдываясь: — Чай поставлю. У меня только с мятой, но крепкий.

Аня тут же засуетилась:

— Давайте я помогу! Я помню, где чашки — мы к вам на чаепитие всем классом приходили, ещё когда вы в школе работали. Три года назад. Вы тогда ещё нам про «Шинель» рассказывали, и всё равно нашли время нас чаем напоить.

Борис Игоревич слабо улыбнулся:

— Спасибо, Анечка. Руки уже не те, чтобы быстро всё делать.

Пока Аня возилась на кухне, Мельников и водитель сели друг напротив друга. Тишина между ними была не пустой, а наполненной — в ней слышались и скрип старых половиц, и далёкий гул города, и тяжесть невысказанных слов.

— Так что там с рейсом? — наконец спросил Борис Игоревич, глядя прямо на Мельникова. В его взгляде не было ни страха, ни желания угодить — только готовность принять то, что придётся рассказать.

— Нам важно всё, что вы видели. Особенно возле путей. Там произошло убийство.

Борис Игоревич медленно кивнул, будто не удивляясь, будто смерть была для него ещё одной остановкой на маршруте.

— Я проезжал там вчера. Время было... около полуночи. Почти пустой вагон, только пара пассажиров. И вот, когда я подъезжал к тому месту, я заметил чёрный джип. Стоял у обочины, фары выключены.

Мельников подался вперёд:

— Вы запомнили номера?

Борис Игоревич покачал головой, и в этом жесте было столько сожаления, что Мельников сразу понял — водитель и сам корит себя за это:

— Не разглядел. Темно было, да и я не думал, что это важно. Просто машина. Но... запомнил человека возле неё.

— Что за человек?

— В спортивном костюме. Тёмном. И в маске. Странной такой, будто морда какого-то монстра. Не то волк, не то демона. Я ещё подумал тогда: «Ну и вид. Словно на Хэллоуин собрался посреди недели». А потом трамвай дёрнулся, я на рельсы глянул — и всё, забыл про него. Теперь вот вспоминаю, и мурашки по спине...

Мельников наклонился чуть ближе:

— Опишите маску. Всё, что помните.

Борис Игоревич прикрыл глаза, будто возвращаясь в ту минуту:

— Зубы острые, как у зверя. Глаза тёмные, пустые. Будто не человек, а тень. Я тогда ещё подумал: «Кому это надо?» А теперь понимаю: кому-то надо было, чтобы его не узнали.

— Это очень важно, — тихо сказал Мельников. — Вы молодец, что запомнили.

Борис Игоревич горько усмехнулся:

— Молодец... А вот номера не запомнил. В школе я мог по памяти целые страницы из Гоголя цитировать, мог ученикам объяснить, как одна запятая у Достоевского может весь смысл перевернуть. А тут... цифры вылетают. Может, потому и ушёл: понял, что память уже не та, чтобы детям пример подавать. А в трамвае... тут не память нужна, тут привычка. И руки, которые помнят, куда рычаг тянуть.

Аня вернулась с подносом, поставила чашки, села рядом и тихо сказала:

— Вы хороший учитель, Борис Игоревич. Вы нам не просто литературу давали. Вы показывали, что слово — это не буквы на странице. Оно может быть как рельс: если его положить криво, поезд сойдёт с пути. А если ровно — он повезёт куда надо.

Борис Игоревич посмотрел на неё, и в его глазах на секунду вспыхнуло что-то, похожее на благодарность:

— Спасибо, Анечка. Это... приятно слышать.

Мельников осторожно вернул разговор к делу:

— Скажите, а кроме джипа и человека в маске, вы ещё что-нибудь заметили? Хоть малейшую деталь.

Борис Игоревич задумался, медленно покачал головой:

— Нет. Больше ничего. Ни движения, ни света, ни крика. Только эта машина у обочины и человек в жуткой маске. Будто из кошмара. Я даже сперва подумал, что мне мерещится.

Мельников записал в блокнот: «чёрный джип, человек в маске (волк/демон), ничего больше».

— Значит, больше ничего не было, — тихо подытожил он.

— Ничего, — повторил Борис Игоревич.

И от этого на сердце у Игоря Мельникова стало ещё страшнее. Будто мир на миг стал пустым, и в этой пустоте остался только он, человек в маске зверя.

Глава 4. Следы в темноте

Зайц сидела перед тремя мониторами, и в полумраке комнаты её лицо то и дело озарялось холодным светом экранов. Кадры с городских камер шли сплошной лентой: серые тротуары, редкие прохожие, машины, сливающиеся в одно тёмное пятно. Она методично двигала ползунок, ускоряя, замедляя, снова возвращаясь назад. Пальцы стучали по клавиатуре, как по клавишам рояля, выжимая из записи каждую секунду.

Ей нужен был джип. Чёрный, тяжёлый, стоявший слишком близко к путям.

И она его нашла.

На одной из камер, установленной на углу старого дома, машина мелькнула ровно на четырнадцать секунд. Камера смотрела сверху, под углом, и джип попал в кадр лишь частично — задняя часть, багажник, край крыши. Но это был он.

Зайц замерла, увеличила изображение, попыталась вытянуть детали. Но номера не было видно: ракурс не позволял, а тень от козырька подъезда ложилась прямо на госномер. Она щёлкнула на соседнюю камеру — та смотрела с другой стороны, но джип уже успел скрыться из поля зрения.

— Ну конечно, — пробормотала Зайц, с лёгкой усмешкой откидываясь на спинку стула и потирая переносицу. — Вот он, идеальный преступник: паркуется так, чтобы ни одна камера не увидела номера. Прямо мастер конспирации. Наверное, в детстве в шпионов играл, а теперь решил, что это профессия. И даже не подумал, что у нас тут не одна камера, а целая сеть. Но нет, ему повезло: ровно в тот момент, когда он стоит, все объективы смотрят в другую сторону. Как будто кто-то специально маршрут просчитывал.

Она вздохнула, потянулась, и стул под ней тихо скрипнул. В комнате пахло пылью, старым пластиком и кофе, который кто-то оставил на столе ещё утром. Зайц поморщилась, взяла стаканчик, понюхала и тут же поставила обратно: напиток давно остыл и теперь отдавал горечью, как и всё, что тянулось дольше пары часов. На краю стола лежала смятая обёртка от шоколадного батончика — её она не помнила, когда съела, но помнила, что тогда ещё надеялась, что сахар поможет продержаться до конца смены.

В дверь постучали, и в проёме появился Мельников. Вид у него был усталый, но в глазах всё ещё горел тот самый огонёк, который появляется, когда ты чувствуешь, что подбираешься к разгадке. На плече у него висела старая кожаная куртка, слегка потрёпанная по швам, а в руке он держал блокнот, страницы которого были исписаны мелким, почти неразборчивым почерком. От него пахло улицей — сыростью, бензином и чем-то ещё, почти неуловимым, будто город оставлял на людях свой запах.

— Ну, что тут у тебя? — спросил он, проходя внутрь и опускаясь на стул рядом.

Зайц коротко рассказала про джип, про то, что номера не видно, про маршрут. Мельников слушал, не перебивая, только кивал, время от времени делая пометки в блокноте. Когда она закончила, он достал из кармана ручку, покрутил её между пальцами, будто собираясь с мыслями, и только потом заговорил.

— Значит, он знал, где камеры. Или ему кто-то подсказал.

— Или он сам из наших, — буркнула Зайц. — Шучу. Наверное.

Мельников слабо улыбнулся:

— Ты всегда так: чуть что — и сразу ирония.

— А что делать? Если всерьёз обо всём думать, можно с ума сойти. Лучше уж с юмором, чем с паникой, — пожала плечами Зайц. — Так куда дальше?

— В издательство, — сказала Зайц, вставая и потягиваясь так, что в спине что-то тихо хрустнуло. — Убитый был редактором. Там должны знать, с кем он конфликтовал.

Офис издательства располагался в старом доме с высокими потолками и узкими окнами, которые будто специально были сделаны так, чтобы пропускать как можно меньше света. В коридорах пахло типографской краской и пылью, а сотрудники ходили тихо, словно боялись спугнуть вдохновение. По стенам висели старые обложки журналов, выцветшие от времени, и казалось, что каждый лист бумаги здесь помнит чьи-то слова, чьи-то споры и чьи-то мечты.

Их встретила редактор отдела публицистики — женщина лет пятидесяти с внимательными, чуть прищуренными глазами. Её волосы были собраны в тугий пучок, а на носу сидели очки в тонкой оправе, которые она то и дело поправляла, будто проверяя, не съехали ли они. На столе у неё стояла чашка с остывшим чаем, рядом лежала стопка рукописей, а поверх них — записка с неразборчивыми пометками.

— Вы про Игоря Львовича спрашиваете? Про редактора? — уточнила она, сев напротив и сложив руки на столе. — Да, у него был конфликт. Серьёзный. Со священником.

Мельников подался вперёд.

— Расскажите подробнее.

Женщина вздохнула, будто вспоминая что-то неприятное, и на секунду прикрыла глаза, словно пытаясь отгородиться от этого воспоминания.

— Игоря пригласили на религиозную передачу. Его оппонентом был отец Михаил — настоятель одного из городских храмов. Передача была о роли религии в современном обществе, но Игорь... он всегда говорил прямо. В эфире он заявил, что Иисус — это миф, культурный образ, а не историческая личность. Сказал это спокойно, почти буднично, как будто речь шла о персонаже романа.

Зайц подняла бровь:

— Реакция священника?

— Он вышел из себя. Не кричал, не ругался, но... побледнел. В глазах было столько злости, что даже ведущий занервничал. После эфира они не разговаривали, но отец Михаил

потом несколько раз звонил в редакцию. Требовал, чтобы мы опубликовали опровержение. Мы отказались. Тогда он начал приходить лично.

— Приходил сюда? — уточнил Мельников.

— Да. Один раз. В рясе, весь в золоте, с крестом размером с мою ладонь. Сел вот на этот стул, где вы сейчас, и сказал, что такие, как Игорь, сеют смуту в душах людей. Что нельзя играть с верой, как с игрушкой.

Зайц слегка наклонила голову, будто примеряя эту картину:

— Прямо как в театре: золото, ряса, драма. И джип в комплекте.

Редакторша покачала головой:

— Я тоже так подумала. Но потом решила, что это просто эмоции. Священник ведь... он не убийца.

— И что же и джип у него есть? — вдруг спросила Зайц.

Женщина на секунду задумалась, потом её глаза расширились.

— Ага, священник. Весь в золоте на шикарном чёрном джипе. Батюшка. Да, точно. Я ещё тогда подумала: странно, что у служителя церкви такая машина. Но он сказал, что джип — подарок прихожан.

Мельников записал в блокнот: «чёрный джип, подарок прихожан».

— Спасибо, — сказала Зайц. — Вы очень помогли.

Они вышли на улицу, где воздух был густым и тяжёлым, будто пропитанным тайной. Ветер гнал по тротуару обрывки газет, и они шуршали, как чьи-то торопливые шаги. Асфальт был мокрым после утреннего дождя, и в лужах отражались серые облака, похожие на тяжёлые мысли. Где-то вдалеке слышался гул трамвая, и этот звук был одновременно привычным и тревожным, будто город шептал о чём-то, чего никто не хотел слышать.

— Надо проверить этого отца Михаила, — сказал Мельников.

— Уже, — ответила Зайц, доставая телефон. — Я запросила данные на все чёрные джипы, зарегистрированные на него или на храм. Но пока ждём.

Телефон в её руке завибрировал. На экране высветилось: «Следователь Соколов».

Зайц на секунду замерла, будто собираясь с мыслями, потом ответила, и голос её сразу стал нарочито бодрым, с той самой лёгкой ехидцей, которая у неё появлялась, когда хотелось спрятать напряжение за шуткой:

— Соколов? Привет. Ты что, звонишь, чтобы рассказать, что у тебя там всё просто и понятно? Несчастный случай на обрыве, никаких загадок, птичка просто вспорхнула и не рассчитала траекторию?

Соколов на том конце помолчал ровно секунду — ровно столько, сколько нужно, чтобы дать шутке осесть и стать неуместной.

— Не совсем, — спокойно ответил он, и в его голосе не было раздражения, только усталость и какая-то тяжёлая собранность. — Тут не так просто, как хотелось бы.

Зайц перестала улыбаться.

— Поясни.

— Девушка, которая сорвалась с обрыва... официально это несчастный случай. Или суицид. Никаких следов борьбы, никаких свидетелей. Но в кармане у неё нашли чёрную карточку. С цифрами.

У Зайц внутри что-то дёрнулось, как будто невидимая струна натянулась до предела.

— Цифры? Какие?

— 18231886.

Она медленно выдохнула, пальцы крепче сжали телефон.

— И ты думаешь, что это не совпадение.

— Думаю, нет. Потому что... в деле с убийством у трамвайных путей тоже была такая карточка. Чёрная. Тоже с цифрами.

Зайц застыла, и на мгновение весь мир вокруг будто сжался до размера экрана телефона. Она посмотрела на Мельникова, и он сразу понял: что-то изменилось.

— То есть ты хочешь сказать, — тихо произнесла Зайц, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало от напряжения, — что у нас не два отдельных дела, а одно. Серия.

— Похоже на то, — подтвердил Соколов. — И цифры — это не случайность. Это связь.

Зайц снова посмотрела на Мельникова. Тот уже достал блокнот и ждал.

— Ладно, — сказала она, возвращая в голос хоть каплю прежней иронии, но теперь эта ирония была не от веселья, а от того, что иначе можно было просто закричать. — Значит, никаких птичек. Никаких простых объяснений. Только цифры, джипы и маски. Классика.

Соколов хмыкнул на том конце, и в этом хмыканье было что-то почти ободряющее:

— Классика. Но мы разберёмся. Держи меня в курсе. Если найдёшь что-то по этим цифрам — сразу звони.

— Обязательно, — пообещала Зайц и, закончив разговор, медленно опустила телефон.

Несколько секунд она стояла, глядя в одну точку, будто пытаясь удержать в голове сразу две картины: чёрный джип у путей и обрывистый склон, с которого сорвалась девушка. Потом встряхнулась, как собака, выходящая из воды, и повернулась к Мельникову.

— Это уже не одно убийство. Это серия. И мы не понимаем, как связаны редактор, который спорил со священником, и девушка, упавшая с обрыва. Но цифры... они что-то значат. Как будто кто-то специально оставляет нам эти маленькие подсказки — ровно столько, чтобы мы не могли успокоиться.

Мельников посмотрел на неё долгим взглядом, потом тихо сказал:

— Тогда начнём с цифр. И с джипа.

Зайц кивнула, но прежде чем сделать шаг, вдруг снова усмехнулась — на этот раз чуть мягче, будто пытаясь сбросить напряжение:

— Знаешь, если окажется, что эти цифры — это номер заказа пиццы, я буду одновременно разочарована и рада. Потому что хотя бы одна загадка окажется простой.

Мельников едва заметно улыбнулся:

— Будем надеяться, что нет.

Они пошли к машине, и ветер снова швырнул им под ноги обрывок газеты. На нём виднелась половина заголовка, но слов было не разобрать. Асфальт поблескивал, как мокрая сталь, а вдалеке снова послышался гул трамвая — ровный, настойчивый, будто зовущий за собой.

Глава 5. Две дороги

Мельников шёл к храму по узкой улочке, зажатой между старыми домами. Тротуар тут был неровный, местами проросший травой сквозь трещины, и каждый шаг отдавался в коленях глухим напоминанием о том, что город не создан для спешки. В воздухе витал запах мокрого камня и ладана — он чувствовался ещё за квартал до церкви, будто сам воздух тут был гуще и тяжелее.

Храм стоял на небольшом возвышении, будто специально приподнятый над суетой. Белые стены казались почти серыми в пасмурном свете, а купола тускло поблёскивали, как старые монеты. У входа толпились несколько женщин в платках, они тихо переговаривались, время от времени поглядывая на часы — видимо, ждали начала службы. Мельников на секунду замер, поправил воротник куртки, словно это могло придать ему больше уверенности, и шагнул внутрь.

Внутри было прохладно и темно. Свет пробивался сквозь узкие витражные окна, раскрашивая пол в блёклые пятна синего и красного. Пахло воском, старым деревом и чем-то ещё — терпким, почти горьким, как будто горести людей оседали здесь слоями, как пыль.

Отец Михаил стоял у алтаря, поправляя свечи. Он был выше, чем представлялось Мельникову: широкий в плечах, с крупными, уверенными движениями. На нём была простая ряса, без лишней позолоты, и от этого он казался даже более внушительным.

— Вы ко мне? — спросил он, не оборачиваясь, будто заранее знал, что кто-то войдёт. Голос у него был низкий, спокойный, но в нём чувствовалась сила, способная заполнить весь храм.

Мельников шагнул вперёд, стараясь не шуршать подошвами по каменному полу.

— Да. Я из следственной группы. Хотел бы поговорить с вами насчёт Игоря Львовича.

Священник медленно повернулся. Его лицо было спокойным, но в глазах мелькнуло что-то — не то раздражение, не то усталость.

— А, редактор. Тот, что говорил, будто Христос — миф. Да, я помню.

— И как вы к этому отнеслись?

Отец Михаил помолчал, будто взвешивая каждое слово.

— Плохо отнёсся. Очень плохо. Вера — это не теория, которую можно обсуждать за чашкой кофе. Для кого-то это основа жизни. Когда её топчут, это больно.

— Настолько больно, что вы приходили в редакцию?

Священник чуть нахмурился.

— Приходил. Хотел, чтобы они подумали, прежде чем публиковать такие вещи. Но они не стали слушать. Сказали, что свобода слова.

— А джип у вас есть? Чёрный.

На этот раз пауза была длиннее. Отец Михаил посмотрел на Мельникова так, будто пытался понять, всерьёз ли тот спрашивает.

— Есть. Подарок прихожан. Они решили, что мне нужно добираться до дальних деревень, где нет транспорта. Машина хорошая, но я не люблю ею пользоваться. Слишком бросается в глаза.

— А в тот вечер, когда убили Игоря Львовича, вы где были?

— Здесь. Проводил вечернюю службу. Потом остался, чтобы подготовить проповедь. Меня видели несколько человек. Если нужно, я дам их контакты.

Мельников кивнул, записывая в блокнот. Слова звучали убедительно, но он знал: самое убедительное алиби иногда оказывается самым продуманным.

Тем временем Зайц стояла на краю обрыва, вцепившись пальцами в холодную металлическую ограду. Ветер здесь был сильнее, чем в городе, — он рвал волосы, швырял в лицо мел-

кие капли дождя и будто пытался унести с собой все мысли, чтобы не осталось ничего, кроме этого пустого пространства внизу.

Перед ней расстился вид на реку — серую, тяжёлую, неторопливую. Вода казалась такой спокойной, что в это было почти невозможно поверить. Как будто она не помнила, что здесь произошло.

Соколов стоял рядом, держа в руках папку с бумагами. Его лицо было усталым, но в движениях чувствовалась привычная собранность.

— Тут не было борьбы, — сказал он, не глядя на Зайц, скорее в пустоту перед собой. — Никаких следов, что её толкнули. Только эта карточка. И её жалобы.

Зайц наконец отпустила ограду и повернулась к нему.

— Жалобы? Расскажи подробнее.

Соколов открыл папку, достал несколько листов с записями свидетельских показаний.

— Она всем жаловалась. На работе — коллегам, в автобусе и трамвае — знакомым, которых встречала по пути домой. Даже соседкам у подъезда, пока стояла в очереди к почтовому ящику. Говорила, что в доме её буквально загнали в угол: свекровь — та самая мать мужа — задавала тон, а остальные домочадцы подстраивались. Свекровь велела ей вставать раньше всех, готовить, убирать, стирать, а потом ещё и проверяла, «как сделано». Если что-то казалось ей недостаточно чистым — сразу выговаривала при всех. Остальные в доме не вступались. Кто-то делал вид, что не слышит, кто-то прямо говорил: «Ты теперь семья, терпи».

Зайц нахмурилась, и в груди у неё что-то неприятно сжалось — не от жалости даже, а от ощущения этой глухой, повседневной жестокости, которая так легко становится невидимой.

— То есть она кричала, а все отворачивались.

— Примерно так. Причём кричала не метафорически. Один из свидетелей — кассирша в магазине, где девушка покупала хлеб, — сказала, что та буквально всхлипывала, рассказывая, как свекровь заставила её перемыть всю посуду заново, потому что «на вилках остался налёт». И кассирша тогда только вздохнула и сказала: «Ну, свекровь есть свекровь, у всех свои сложности».

Зайц тихо выругалась сквозь зубы, но тут же взяла себя в руки.

— И решили, что это суицид.

— Логично на первый взгляд. Человек, которого никто не слышит, может в какой-то момент просто перестать пытаться.

Зайц посмотрела вниз, на реку, потом снова на Соколова.

— Но карточка. Чёрная. Давай ещё раз про неё.

Соколов чуть наклонил голову, будто припоминая.

— Стилистически такая же, как на месте убийства у трамвайных путей: матовая, плотная, без надписей. Но цифры другие. Там было 18911940, а тут — 18231886,

Зайц на секунду замерла, переваривая это.

— Разные. Значит, это не просто одна и та же карточка, гуляющая между делами. Это серия. Кто-то делает такие карточки и оставляет их. Или раздаёт.

Она помолчала, потом вдруг спросила:

— А джип? Тут рядом кто-нибудь видел чёрный джип?

Соколов покачал головой.

— Никто не видел. Ни в тот день, ни накануне. Мы опрашивали всех, кто живёт поблизости, кто ходит этой тропой к остановке. Если он тут и был, то так, чтобы никто не заметил. Или его тут вообще не было.

Зайц хмыкнула, но в этот раз в её иронии не было веселья.

— То есть у одного дела — джип и карточка с одними цифрами, у другого — никакого джипа, зато карточка с другими. И общая у них только эта стилистика. Как фирменный почерк.

Соколов кивнул.

— Похоже на то.

Зайц достала из кармана ручку и блокнот, начала что-то быстро записывать, потом вдруг остановилась и подняла глаза.

— А муж? Где он был в тот день?

— Дома. Говорит, что спал после ночной смены. У него есть свидетель — сосед, который видел, как он возвращался. Но это не стопроцентное алиби.

— А свекровь? Та, что её гнобила?

— Тоже дома. Готовила обед. Её видели несколько человек: соседка заходила за солью, почтальон принёс посылку.

Зайц снова хмыкнула.

— То есть у всех есть алиби, а у девушки — только жалобы, которые никто не слышал. Очень удобно.

Соколов посмотрел на неё долгим взглядом.

— Ты думаешь, её убили.

— Я думаю, что если кто-то хотел, чтобы её смерть выглядела как суицид, он отлично постарался. Все эти жалобы... они как заранее написанная предсмертная записка. Только без слов.

Соколов помолчал, потом тихо сказал:

— Значит, надо искать, кому это было выгодно.

Зайц снова посмотрела на реку. Вода всё так же спокойно текла мимо, будто ничего не знала и знать не хотела.

— Или кому было выгодно, чтобы все думали, что это суицид, — добавила она и, вздохнув, спрятала блокнот в карман. — Ладно. Давай начнём с карточек. Разные цифры, но одинаковый стиль. Значит, либо один производитель, либо один заказчик. Надо пробить типографии, магазины, поставщиков.

Через час они сидели в небольшой комнате при участке. На столе лежали две чёрные карточки — одна с места смерти девушки, другая с места убийства у трамвайных путей. Они действительно были похожи: матовая поверхность, плотная бумага, никаких надписей, только цифры. Но цифры разные: 18911940 и 18231886

Зайц крутила одну из них между пальцами, будто пытаясь нащупать какой-то скрытый смысл.

— Они сделаны одинаково, — сказала она. — Но цифры разные. Значит, кто-то не просто оставил улику, а вёл какую-то свою нумерацию. Как серию.

Соколов сел напротив, положил руки на стол.

— Их могли напечатать в одном месте. Или заказать у одного поставщика.

— Надо пробить типографии. И магазины, где продают такие карточки.

Соколов кивнул, сделал пометку.

— Сделаем.

Зайц вдруг усмехнулась, но в этой усмешке не было ни капли веселья.

— Знаешь, что самое странное? Даже если это суицид, карточка всё равно не вписывается. Как будто кто-то специально подбросил её, чтобы мы не могли успокоиться.

— Или чтобы мы думали в определённом направлении.

Зайц подняла бровь.

— В каком?

— Не знаю. Но цифры... они что-то значат.

Она снова посмотрела на карточки, потом медленно произнесла:

— 18911940. 18231886. Похоже на даты. Или на коды. Или на номера.

Соколов пожал плечами.

— Пока не знаем. Но узнаем.

В этот момент в комнату вошёл дежурный и положил перед Соколовым свежий отчёт.

— Только что прислали. По карточкам: на них нет никаких отпечатков. Вообще. Ни жертвы, ни кого-либо ещё. Будто их протирали спиртом перед тем, как оставить.

Зайц замерла, потом медленно опустила карточку, которую вертела в пальцах.

— Протирали. Значит, не случайность. Значит, продуманность. Кто-то очень не хотел оставлять следы.

Соколов кивнул, взгляд его стал жёстче.

— Это уже не просто улика. Это вызов.

Зайц медленно выдохнула, будто сбрасывая с себя лишний воздух, чтобы лучше слышать.

— Тогда это точно не два разных дела. Это серия. И кто-то очень старается, чтобы мы всё перепутали.

Соколов снова посмотрел на бумаги.

— Значит, ищем типографию. И ищем связь между цифрами.

А в это время Мельников выходил из храма, чувствуя, как холод каменных ступеней пробирается даже сквозь подошвы ботинок. Отец Михаил проводил его до дверей, сказал что-то про терпение и справедливость, но Мельников почти не слушал. Слова звучали правильно, но не помогали.

У ворот храма он остановился, достал блокнот, перечитал свои записи. Всё сходилось: алиби, объяснения, даже джип. Но что-то внутри не давало ему покоя. Что-то было слишком гладким, слишком правильным.

Он поднял голову, посмотрел на купола, на серое небо, и тихо пробормотал:

— Слишком гладко. А в жизни так не бывает.

И, сунув блокнот в карман, он пошёл прочь, зная, что вернётся. Обязательно вернётся. Потому что правда редко прячется на виду. Чаще она сидит где-то в тени и ждёт, пока ты её заметишь.

Глава 6. Давление сверху

Кабинет полковника Романова был строгим — будто сама обстановка должна была напоминать, что здесь не место для лишних эмоций и уж точно не для сантиментов. Тёмный шкаф с папками, массивный стол, на стене — портрет в рамке и карта города, исчерченная цветными булавками, словно кто-то пытался соединить невидимые точки, чтобы увидеть узор, который не складывался. На карте булавки стояли густо в центре и редели к окраинам, а между ними тянулись тонкие линии — маршруты, связи, версии, которые то появлялись, то исчезали, как следы на мокром песке.

За столом сидел Романов — мужчина лет пятидесяти с лицом, будто выточенным из камня: резкие черты, тяжёлый взгляд, седина на висках, которая казалась не возрастом, а знаком выслуги, клеймом долгих лет, когда приходилось принимать решения, от которых зависели чужие судьбы. Он сидел прямо, будто даже наедине с собой не позволял себе расслабиться, и сейчас его пальцы выстукивали по столу короткий, жёсткий ритм, в котором слышалось нетерпение и раздражение.

Зайц и Мельников стояли напротив, будто на коротком строевом смотре. Зайц старалась держаться ровно, но в её позе всё равно сквозила привычная дерзость — она чуть приподнимала подбородок, будто заранее готовилась спорить, и в глазах у неё плясали искры, которые могли быть и азартом, и усталостью, и просто привычным вызовом миру. Мельников стоял чуть позади неё, спокойный и собранный, с тем видом человека, который привык не привлекать к себе внимания, но замечать всё.

Соколов сидел сбоку, на жёстком стуле, и время от времени потирал переносицу — он всегда так делал, когда чувствовал, что напряжение в комнате становится почти осязаемым, как электрический заряд перед грозой.

— Значит, алиби священника подтверждается, — произнёс Романов, не повышая голоса, но так, что фраза прозвучала как удар молотка по наковальне. — Свидетели из храма дают одинаковые показания: он был там весь вечер, допоздна. Даже сторож видел, как он выходил последним.

Мельников кивнул, стараясь держаться ровно.

— Да. Я перепроверил. Трое прихожан, сторож, ещё одна женщина из церковной лавки — все говорят одно и то же. И насчёт джипа: он действительно им почти не пользуется. В тот вечер машина стояла на парковке за храмом. Есть запись с камеры.

Романов хмыкнул, постучал пальцами по столу, и этот звук отозвался в тишине кабинета, как отголосок чего-то неприятного.

— То есть джип был, но не ездил. Значит, совпадение с местом убийства у трамвайных путей — случайность. Или кто-то специально подводил нас к этой мысли.

Зайц не выдержала и фыркнула, но тут же попыталась сделать вид, что это просто нервный выдох.

— Или кто-то очень хотел, чтобы мы побегали кругами, как дрессированные пудели. «Смотрите на джип! Смотрите на джип!» А мы и смотрели.

Романов метнул в её сторону короткий, колючий взгляд, в котором смешались усталость и раздражение.

— Зайц, если хочешь быть полезной — будь полезной. А не иронизируй.

— Я и есть полезная, — парировала Зайц, чуть приподняв подбородок. — Полезная и ироничная. Это мой фирменный стиль. Как эспрессо: бодрит и немного обжигает.

Соколов тихо хмыкнул и тут же сделал вид, что закашлялся, но в его глазах мелькнула улыбка, которую он тут же спрятал.

— Дальше. По делу девушки, — сухо продолжил Романов, будто отрезая лишние разговоры.

Соколов открыл папку, достал несколько листов с записями, аккуратно разложил их перед собой, как будто правильная организация бумаг могла сделать показания более убедительными.

— Алиби домохозяев тоже подтверждается. Муж действительно вернулся с ночной смены — его видел сосед, когда тот заходил в подъезд. Свекровь весь день была дома: соседка заходила за солью, почтальон принёс посылку, ещё одна соседка видела, как она развешивала бельё во дворе. Все показания совпадают по времени.

— То есть никто из них не мог быть на месте происшествия в момент смерти, — подытожил Романов.

— Именно, — сказала Зайц, и в её голосе прозвучала досада, приправленная сарказмом. — Получается, либо это всё-таки суицид, либо убийца — кто-то третий. Тот, кого никто не видел. Идеальный подозреваемый: невидимка, бесшумный и безотходный. Прямо призрак с мотивацией.

Романов поморщился, будто от этой шутки у него заболела старая рана.

— А карточка? — спросил он, наклоняясь вперёд, и его тень легла на стол, накрывая бумаги, как тяжёлое одеяло.

— Чёрная, матовая, без надписей. Цифры — 18231886. Точно в том же стиле, что и первая: 18911940 Мы проверили типографии и магазины — пока ничего. Ни у кого нет заказов на такие карточки. Либо их делали где-то неофициально, либо заказывали онлайн.

Романов откинулся на спинку кресла, и оно тихо скрипнуло, будто жаловалось на тяжесть его решений.

— На меня давят, — сказал он, глядя куда-то поверх их голов, будто обращаясь не к ним, а к самой этой давящей силе, которая существовала где-то выше, в кабинетах с более высокими

потолками и более дорогими коврами. — Сверху. Хотят, чтобы мы закрыли оба дела. Быстро. Чтобы не было шума. Особенно по делу редактора — там слишком много внимания.

Мельников чуть нахмурился, и в этом движении было не столько несогласие, сколько попытка удержать равновесие между долгом и здравым смыслом.

— Но если мы закроем, а это серия...

— Я знаю, что это серия, — резко оборвал его Романов, и в этот раз в его голосе прорезалась усталость, а не строгость. — Я не идиот. Но мне нужно либо твёрдое доказательство, либо хотя бы направление. Сейчас у нас есть только карточки с цифрами, которые ни к чему не ведут, и алиби, которые не ломаются.

Зайц закатила глаза, но тут же поймала взгляд Романова и сделала вид, что просто моргнула слишком выразительно.

— Тогда надо копать глубже. Не по алиби, а по связям. По тем, кто мог знать, где камеры, кто мог просчитать маршрут, кто вообще в курсе наших методов. Может, у нас в отделе кто-то ведёт блог «Один день из жизни следователя» и выкладывает наши маршруты?

Романов наконец не выдержал и усмехнулся:

— Зайц, ты иногда говоришь то, о чём я только думаю. И за это тебя одновременно хочется похвалить и уволить.

— Комплимент принят, — подмигнула Зайц, но в этом подмигивании не было легкомыслия — только попытка сбросить напряжение, которое давило на плечи, как мокрый плащ.

Романов снова постучал пальцами по столу — этот ритм будто отбивал секунды терпения, которого оставалось всё меньше.

— Копайте. Но быстро. И аккуратно.

В этот момент на столе у Романова зазвонил телефон. Он посмотрел на экран, будто заранее зная, что звонок не принесёт хороших новостей, и поднял трубку.

— Романов. Да... Что? Где? В метро?

Его лицо мгновенно изменилось: из строгого и уставшего оно стало собранным, будто кто-то щёлкнул выключателем. Он выпрямился, и вся его поза стала другой — жёсткой, готовой к действию.

— Поняла. Выежаю.

Он положил трубку, встал, и все в комнате тоже невольно выпрямились, будто под действием невидимой силы.

— В метро на станции «Горная» неизвестный столкнул женщину под поезд. Мужчина в спортивном костюме и красной маске волка. Никто не успел ничего сделать. В кармане у женщины нашли чёрную карточку. Цифры — 18281910.

Зайц застыла на секунду, а потом тихо, но отчётливо произнесла:

— Ну вот. Теперь это уже не просто «странные совпадения». Это какой-то мрачный квест: «Найди смысл в цифрах, пока город сходит с ума».

— Опять карточка, — тихо сказала она, будто сама себе не веря.

— Да, — ответил Романов, надевая пиджак. Ткань чуть хрустнула, как будто тоже была напряжена. — И это уже не совпадение. Это закономерность.

Мельников шагнул вперёд.

— Мы едем?

Романов кивнул.

— Все едем. Зайц — на место, собирай показания с очевидцев. Мельников — проверь камеры на входе в метро и на переходах. Соколов — свяжись с дежурной частью, узнай всё, что есть: время, приметы, записи с платформ.

Они двинулись к двери, но Романов вдруг задержал их одним коротким жестом, и этот жест был тяжелее любых слов.

— И ещё. Теперь это не просто серия. Это публичный вызов. Кто-то делает это там, где много людей. Значит, он хочет, чтобы мы знали: он может сделать это где угодно. И он не боится.

Через двадцать минут город уже казался другим. Не тем привычным, серым и будничным, а напряжённым, будто натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. На подъезде к станции «Горная» стояли машины ДПС, мигалки окрашивали мокрый асфальт в синий и красный, и этот свет ложился на лужи, как кровь на бинт. Люди толпились у оцепления, перешёптывались, снимали на телефоны, и в этом шуме было что-то особенно страшное — будто ужас стал зрелищем, а горе — контентом.

Зайц шла сквозь эту толпу, чувствуя, как воздух становится гуще с каждым шагом, будто она пробиралась сквозь вязкий сироп, который замедлял движения и заставлял дышать чаще. Рядом шагал Мельников, молчаливый и собранный, его лицо было спокойным, но в глазах читалась та самая сосредоточенность, которая появляется у людей, привыкших видеть худшее и не терять голову. Чуть позади шёл Соколов, который то и дело поглядывал в телефон, ожидая новых данных, и его пальцы быстро бегали по экрану, как будто пытались обогнать время.

— Знаешь, что самое неприятное в таких делах? — вдруг тихо сказала Зайц, не глядя на Мельникова. Её голос звучал непривычно серьёзно, без обычной иронии.

— Что? — так же тихо спросил он, будто не хотел нарушать хрупкую тишину между ними.

— Что преступник не прячется. Он надевает маску волка, толкает человека под поезд и уходит, как будто это часть утренней пробежки. Ему не страшно. А нам — должно быть страшно за город.

Мельников покосился на неё.

— Ты сегодня подозрительно серьёзная.

— Это я так шучу, — буркнула Зайц, и в этом бурчании снова проступила её привычная дерзость, как свет сквозь тучи. — У меня юмор такой: чёрный, как эти карточки.

Соколов, услышав это, хмыкнул:

— Главное, чтобы юмор не стал единственным, что у нас осталось.

— Не станет, — отрезала Зайц, останавливаясь у самого оцепления. Её пальцы сжались в кулаки, а потом медленно разжались, как будто она сбрасывала с себя лишнее напряжение. — Потому что мы найдём этого волка. Даже если придётся проверить каждого, кто когда-либо покупал красную маску.

Она шагнула за ленту, туда, где пахло железом, страхом и бедой, туда, где воздух был пропитан чужим горем, как губка водой. Перед ней расстился вестибюль станции, огромный и гулкий, с высоким потолком, который делал людей маленькими, а трагедию — огромной. Эскалаторы стояли, их ступени застыли, как сломанные зубы, а на платформе, за ограждением, сутились люди в форме, и их движения были резкими, нервными, как у птиц, которые чувствуют приближение грозы.

Зайц остановилась на секунду, закрыла глаза и сделала глубокий вдох, пытаясь собрать мысли в кучу. Когда она открыла глаза, мир стал чётче: она заметила каждую деталь, каждую мелочь, которая могла стать зацепкой. Женщина в пальто, которая плакала, прижимая к груди сумку, будто это могло вернуть потерянное. Мужчина в куртке с капюшоном, который смотрел в одну точку, как будто пытался удержать в памяти то, что хотел забыть. Девушка с телефоном, которая всё ещё снимала, хотя её руки дрожали, а лицо было бледным, как бумага.

— Начнём с неё, — сказала Зайц, кивнув в сторону женщины в пальто.

Мельников молча кивнул и пошёл следом, готовый записывать каждое слово, каждый жест, каждую паузу. Соколов уже доставал телефон, чтобы связаться с дежурной частью и узнать, есть ли новые данные.

А цифры — 18281910 — уже ждали её впереди. Как новая загадка. Как новый вызов. Как обещание, что это ещё не конец.

Глава 7. Свидетели говорят

Вестибюль станции «Горная» гудел, будто в его стенах застряли крики, которые никто не успел заглушить. Это был не обычный гул подземки — не тот ровный, привычный шум, к которому горожане привыкают, как привыкают к шуму дождя за окном. Это был гул, пропитанный тревогой: быстрые шаги, обрывки фраз, чьи-то сдавленные всхлипы, резкий запах дешёвого одеколona, смешанный с запахом страха. Казалось, сама станция сегодня стала свидетелем чего-то непоправимого и теперь не могла избавиться от этого знания, выплёскивая его в каждом отзвуке, в каждом отражении на полированных плитах.

Эскалаторы стояли мёртвыми лестницами — их выключили сразу после происшествия, и теперь они выглядели чуждо, неестественно, как уснувшие чудовища. На полу, там, где ещё недавно растекалась лужа чьей-то пролитой кофе, теперь чернели следы подошв — множество следов, пересекающихся, накладывающихся друг на друга, как путаница чужих жизней, столкнувшихся в одной точке.

Зайц стояла у колонны, прислонившись к холодному мрамору, и слушала, как город шепчет ей свои тайны. В руках у неё был блокнот, исписанный торопливыми строчками, а в голове — калейдоскоп лиц, голосов, обрывков фраз, из которых она пыталась сложить хоть сколько-нибудь цельную картину. Но картина не складывалась. Она рассыпалась, как песок сквозь пальцы, оставляя лишь острые, болезненные осколки.

Первой она опросила женщину в пальто, которая плакала, прижимая к груди сумку, будто та могла защитить её от того, что она только что видела. Та всё повторяла одно и то же, будто боялась забыть, если перестанет говорить, будто если она хоть на секунду замолчит, то весь этот кошмар станет ещё страшнее, потому что перестанет быть реальным:

— Он шёл быстро, но не бежал. Как будто знал, что делает. Синий спортивный костюм, ткань такая, знаете, блестящая, будто отсвечивает, как у дешёвых костюмов для танцев. А маска... красная, как кровь, с волчьими ушами. Я ещё подумала: «Какой странный розыгрыш». А потом он просто шагнул вперёд и толкнул её. Толкнул, понимаете? Не ударил, не схватил — просто шагнул и толкнул. И она... полетела.

Голос женщины сорвался, и она закрыла лицо руками, плечи её затряслись. Зайц тихо сказала:

— Спасибо. Вы очень помогли.

Она произнесла это не для того, чтобы закончить разговор, а чтобы дать женщине хоть какую-то опору, хоть слово, за которое можно было бы ухватиться в этом внезапно рухнувшем мире.

Потом был мужчина в капюшоне, который смотрел в одну точку, будто боялся отвести взгляд, будто если он это сделает, то реальность окончательно развалится. Он говорил скупой, рублеными фразами, будто каждое слово давалось ему с трудом, будто он боялся, что если скажет слишком много, то сам поверит в то, что видел, и тогда ему станет по-настоящему страшно:

— Я стоял у турникетов. Видел, как она шла. Спокойно... Потом этот в маске. Он не смотрел по сторонам. Ни влево, ни вправо. Только вперёд. Как по маршруту. Толкнул. Развернулся. Пошёл к выходу. Не бежал. Спокойно. Слишком спокойно.

— Вы заметили, куда он пошёл?

— К выходу на улицу Строителей. Там переход. Дальше не видел.

Девушка с телефоном, которая всё ещё дрожала, когда говорила, будто холод, проникший в вестибюль вместе с ветром с улицы, пробрался ей под кожу и никак не мог выйти, добавила ещё одну деталь:

— У него рукав вылез из под спортивной куртки. Там была какая-то эмблема и нашивка. Маленькая. Тёмная. И блестящая лычка что-ли, или полоска, вернее их было две, две полоски или галочки. Не разглядела, что там конкретно. Но она была. Как будто специально, чтобы её было видно. Или наоборот — чтобы её почти не заметили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.